

Интересно, где она сейчас? Думает ли она обо мне? Тоскует ли по мне? Вспоминает ли наши совместные моменты, которые складывали мою жизнь в мозаику? Вспоминает ли с нежностью, как мы просто были рядом, не делая ничего особенного? Хочет ли она меня обнять? Наверное, нет. Даже если ей больно, я знаю, что она никогда не испытывала того же, что Снейп. И, возможно, это хорошо. Снейп любил ее слишком сильно. А теперь я застрял в этих чувствах. Если бы я потерял ее, как Снейп... думаю, я бы дал такую же клятву. Совершенно новая душа, рожденная из двух разбитых сердец, навсегда связанная отголосками этой любви. Не думаю, что у меня было бы иначе. В этом-то и проблема. Дело не в монотонном голосе Бинса или его вечной болтовне. Не в скучном предмете, который Снейп преподавал тысячу раз. Нет, дело в ней. Ее присутствие сводит меня с ума. Ее существование – это прозрачная, знакомая мелодия, которая одновременно умиляет и причиняет боль. Я тоскую по ней, хочу крепко прижать ее к себе до рассвета. Я сгорю, если это сделает ее счастливой. Если бы я хоть на мгновение перестал быть куклой в ее присутствии, испугалась бы она моего безумия? Или увидела того самого одинокого мальчика, которого когда-то любила? Когда ее не было рядом, мне казалось, что я контролирую себя. Оказалось, это была ложь, в которую я свято верил. Если раньше мне казалось, что я тону в эмоциях Снейпа, то теперь я точно знаю: я тону в них. К несчастью, спасателей нет. Я застрял здесь, тону и даже не могу сделать попытку вдохнуть. Мне нужно уходить. Бинса это не волнует. Я просто не могу быть здесь, иначе могу сделать что-то, о чем потом буду жалеть. Я быстро встаю, торопливо собирая вещи. Я даже не замечаю шума, который создаю, пытаюсь сбежать. Пока не поднимаю глаза. Она смотрит на меня. Все, кроме Бинса, но только она имеет значение. Возможно, она обернулась из любопытства, забыв, кто именно стоит за ней. Когда ее взгляд встречается с моим, я чувствую, как слабеют колени, но это не имеет значения. Сердце словно пронзает грудную клетку, а кишки вываливаются наружу, но это неважно. Когда ее изумрудные глаза встречаются с моими, я чувствую, как на мгновение ослабевают плечи, удерживающий мои эмоции. Горе, боль, меланхолия, любовь, одержимость и все остальные чувства, которые я даже не могу назвать. Я не могу ничего сделать, только смотреть, словно запертый во времени. Я могу только представить, что она видит в этот момент, но мне кажется, что прошла целая вечность, прежде чем она отшатнулась, и чары разрушились. Я даже не пытаюсь собрать остальные вещи – только пергамент и перья, которые я могу купить новые. Я бегу из этой адской дыры. У меня щиплет глаза, и, кажется, уже текут слезы, но я успеваю выйти из класса, пока никто не видит. Не то чтобы меня это волновало, но я не ожидал, что история о разбитой птице окажется такой чертовски реальной. Предполагалось, что это была тактика манипуляции, но я не могу справиться со страстью Снейпа. Я не могу не смеяться над собой, пытаюсь найти пустой класс, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Ты победил, Снейп, ты можешь заставить меня потерять контроль даже из могилы. Возможно, ты обиделся на то, что я пытаюсь манипулировать Лили, но если ты действительно хочешь ее, тебе придется последовать моему примеру. Она никогда бы не полюбила горделивого стойка Снейпа, по крайней мере, не так, как хотелось бы тебе. Я могу вам это пообещать. Мое сердце словно разрывается на части при этих словах, но я просто смеюсь. Ты даже не уверен, заслуживаешь ли ты ее любви. Ты хочешь, но боишься. Боишься сделать шаг, потому что что случится, если она убежит, когда ты это сделаешь? Ты всегда знал, что ты не тот, кто ей нужен. Я уже не уверен, со Снейпом я говорю или с собой. Разве это не шутка, нет никакого Снейпа, есть лишь дурак, который сомневается, но хочет все того же. Эмоции, воспоминания и решения Снейпа больше не его, а мои. Я не могу винить призрак прошлого за эти вещи. Все так, как есть, и я просто должен принять это. Я люблю Лили, я люблю ее так сильно, что мне больно. Я не могу выбросить ее из головы и готов гоняться за ней до самого конца света. Я ничего не могу контролировать. Все мои планы крутятся вокруг того, чтобы изменить судьбу и мир ради нее. Только для нее. Всегда.

Вдохните и выдохните. Простая инструкция, которой может следовать даже ребенок. Она используется, чтобы успокоить паникующего человека. Однако паника – это последнее, о чем вы думаете, это об успокоении. Тонущий человек не признает своего положения и не расслабится. Нет, он будет отчаянно биться, пытаясь ухватиться за жизнь всем, что у него есть. По иронии судьбы, расслабление чаще спасает жизнь, чем беспорядочные рывки. Так что вместо того, чтобы вдох и выдох были методом успокоения, они должны стать привычкой, чтобы вы делали это бессознательно.

*

*

*

Признаться, даже успокоение не смогло бы остановить бурю эмоций, разыгрывающуюся во мне. Я не был готов снова увидеть ее. Не верил, что смогу вынести эту встречу, не разрываясь от тоски. Даже сейчас, вдали от ее присутствия, она завладела моими мыслями. Я видел ее в каждом мерцающем фонаре, в зеленой траве, в пустом кресле. Призрак, забытый бог, пытающийся передать послание. Это было терпимо, и, возможно, со временем я научился бы жить с ее присутствием, не теряя его, но что делать до тех пор?

Погруженный в щиты Окклюменции, я едва выдержал половину урока, прежде чем был поглощен своими мыслями. Наверное, виноваты и скучные занятия Бинса. Возможно, если бы у меня было чем занять себя, я был бы больше похож на человека, а не на клубок неразрешенных проблем. Это была хрупкая надежда, но с ней я был вынужден смириться. К счастью, она жила в другом доме, так что мне не приходилось сталкиваться с ней 24 часа в сутки. С другой стороны, она училась в Гриффиндоре, а по какой-то неведомой причине в 70% случаев с ними в паре учился Слизерин.

Раньше я считал это благословением, теперь же видел в этом пару цепей, тянущих меня на

дно. Самое обидное, что какая-то часть меня с нетерпением ждала, когда я снова утону. Этот апатичный дурак, который жил во мне, хотел насладиться каждым моим чувством. Он хотел воспеть каждую эмоцию в поэтических строках. Он хотел любить так сильно, чтобы мир потерял фокус. Он хотел, чтобы мгновения застыли во времени по прихоти бьющегося сердца. Он хотел, чтобы его разрывало на части от столкновения эмоций.

Он хотел плакать, просто потому что мог. Этот апатичный дурак, конечно же, я, и я никогда не ожидал, что Снейп окажется его лекарем, но должен был. Сейчас я был полон решимости смириться с тем, что их двоих больше нет, а есть только я. И мне придется взять на себя ответственность за это необоснованное желание. Что поделаешь? Если бы у меня был выбор, я бы согласился на эту сделку в тысячу процентов случаев. Если бы это означало жизнь, я готов был разобраться с нашими неразрешенными проблемами. Простите, с моими неразрешенными проблемами. В этой жизни была радость помимо моих проблем. Магия пела мне такие сладкие песни. Я был дирижером, меняющим аспекты реальности одними лишь чувствами. Одно это стоило того, чтобы заплатить за него, и я не собирался жить в сожалениях о том, что не в моей власти. Полагаю, мне придется смириться с последствиями произошедшего. Честно говоря, все не так уж плохо, если не принимать во внимание мои собственные чувства по этому поводу.

Лили придется увидеть меня в худшем состоянии, чем мне хотелось бы, но это лишь играло на руку моему плану. Бинс скорее изменит свой учебный план, чем будет уделять внимание своему занятию, так что я сомневался, что у меня будут проблемы из-за этого. Мои товарищи по Слизерину, скорее всего, посчитают меня жалким дураком, тоскующим по грязнокровной шлюхе, но они и так так обо мне думали. Представители других домов, возможно, немного поговорят о ситуации, но мне было все равно. Мародеры могли обидеться на то, что я причиняю Лили еще больше беспокойства, но то, что я держался от нее подальше, должно было немного успокоить отряд Поттера. Я не сомневался, что в конце концов они снова начнут меня провоцировать, хотя бы потому, что я был легкой мишенью. С моим новым контролем над магией я не очень-то их боялся и думал, что смогу с ними справиться.

Я планировал ограбить Поттера, так что мне точно не стоило бояться этого болвана и его глупой компании. В общем, я думал, что в этой ситуации я оказался на высоте. Правда, это получилось только потому, что Бинс не смог бы отличить широкую сторону сарая, если бы тот сидел в его классе. Не то чтобы я жаждал повторения. Нет, пожалуй, это ложь, я очень хотел повторения, просто не думал, что это хорошая идея. Логика должна была преобладать над эмоциями, но, как я уже понял, эмоции могли выбить все дерьмо из логики, как будто она должна ей денег. Я не мог больше размышлять. Следующий урок - Зелья, и это был тот предмет, который я не хотел пропускать. Даже если мое сердце билось как барабан при одной мысли об этом занятии.

Раньше Лили была моим партнером, но я сомневался, что она хотела бы быть рядом со мной. Я даже смотреть на нее не мог, не говоря уже о том, чтобы сидеть с ней за одним столом. Я надеялся, что Слизнорт разрешит нам поменяться. Вы знаете, что это некая форма благосклонности к его любимым ученикам. Я был уверен, что смогу уговорить кого угодно стать моим партнером в Слизерине. Возможно, им не понравится моя откровенная тоска по Лили, но никто не настолько глуп, чтобы игнорировать идеальное зелье на день. Я также был уверен, что друзья Лили прикроют ее. Не думал, что я смогу поставить ее в ужасное положение только потому, что не могу справиться со своим собственным необузданным сердцем. Господи, как же мне жаль эту девушку. Но я бы не отдал ее ни за что на свете...

*

*

*

Я должен был успеть к зельям раньше всех. Уже в коридорах меня тянуло к ним, словно магнитом. Не отрицайте, зелья – это моя кровь, часть меня, такая же неотъемлемая, как тоска по Лили. Отказаться от зелий я не мог, как не мог бы отпустить ее. Я чувствовал аромат бурлящих котлов, тончайшие испарения ласкали меня, проходя мимо, а во рту таял вкус восхитительной, успокаивающей смеси. Раньше я ощущал это все, но теперь... теперь я видел, как поют зелья, как они формируются. С каждым перемешиванием, с каждым добавленным ингредиентом песня менялась. Волшебство, настоящий дар, ради которого я готов был убить. К счастью, только двое погибли, чтобы он достался мне. Правда, никто не знал об их жертве. Я благодарил их от всей души за то, что они прошли мимо меня. Не то чтобы их смерть была подарена мне на блюдечке. Нет, я был скорее их сыном, получившим наследство при весьма специфических обстоятельствах. Дерьмовая метафора, но лучшей я не придумал.

Открыв дверь в класс зельеварения, я словно вернулся домой. Здесь все было знакомо, успокаивало, являлось убежищем для моего неустойчивого разума. Я и не подозревал, как сильно нуждался в этом месте. Сама комната представляла собой переоборудованное подземелье, что меня ничуть не смущало. Понятно, почему моя репутация была не самой лучшей, когда одной из немногих вещей, способных скрасить жизнь, было буквальное подземелье. Как кто-то мог понять, что для меня эта комната важнее, чем ее внешний вид? Она была связующим звеном с единственными светлыми воспоминаниями о матери. Здесь я проводил время после обеда, задавая сотни вопросов и получая на них ласковые ответы. Это было бегство от жизни, когда мир становился мрачным. Это был источник того, что делало меня значимым в мире магии. В нем было так много всего, что я не замечал расчлененных животных в стеклянных банках и холодные ветры, пронизывавшие его. Я даже успел проникнуться симпатией к этим странным вещам, исключительно из-за их близости к зельям. По правде говоря, комната была неважна по сравнению с тем, что здесь варили. А варили именно сейчас. Профессор Слизнорт готовил успокаивающие шашки для мадам Помфри, как часто делал в свободное время. Я знал, что это успокаивающий сквозняк, по запаху, виду и вкусу. Кроме того, по мелодии, которую создавал профессор, можно было догадаться, что это именно он. Это была колыбельная, которую пела уставшая медсестра, пытаясь успокоить новорожденного. Это была песня, которую использовали тысячи людей, в ней не было никаких

личных штрихов, которые могли бы оторвать ее от работы и сделать мелодией любви. Что вполне понятно, я уверен, что Слизнорт был способен превратить это зелье в нечто большее, но он просто варил для лазарета. Это была игра количества против качества, но было приятно видеть, с какой легкостью Слизнорт создавал эту простую мелодию.

С другой стороны, Слизнорт был не слишком красив. Это был грузный мужчина, обычно одетый в слишком узкие пальто из пенни. Он лысел, его седые волосы почти полностью исчезли, но у него были абсолютно массивные усы, которые вы ожидаете увидеть на человеке-монополисте. О его способностях как мастера зелий хорошо говорило то, что он смог создать свою коллекцию связей благодаря внешности и харизме. Это было то, к чему я стремился, и одна из причин, по которой не хотел менять свою внешность, не обращая внимания на богатство. Если Слизнорт смог это сделать, значит, внешность не так важна, верно? Дело в том, что не стоит останавливаться на достигнутом, если есть возможность измениться. Всегда стремитесь к совершенствованию, иначе вы останетесь позади, когда это сделают другие.

— О, ты довольно рано, Северус. Не хочешь ли ты нанести последние штрихи? — Голос Слизворта оторвал меня от размышлений. Даже не задумываясь, я уже сидел у котла, подменяя грузного мужчину.

— Конечно, профессор. — Никогда не наступит время, когда Северус Снейп откажется от возможности варить. Не раньше и уж точно не сейчас. Настойка уже почти сформировалась, но все еще оставалось место для совершенствования. Показывать свои умения Слизнорту или вообще кому-либо было вполне в моем характере. Надо только не перестараться, раз уж я способен на большее. Быстрое перемешивание. Несколько капель эссенции лаванды. Снижение температуры. Я мог позволить себе лишь слегка изменить отвар, но мелодия уже была намного лучше, теперь это была медсестра, которая любила петь. Не совсем материнская любовь, но лучше, чем просто работа клинической медсестры.

— Отличная работа, как всегда, Северус. — Похвала Слизворта немного подняла мой дух. Обычно я получал так мало похвалы, что любая из них была бальзамом на душу. — Почему ты решил осчастливить меня своим присутствием именно сегодня, Северус?

Слизнорт знал меня достаточно хорошо, чтобы понять, что мое присутствие здесь в одиночестве было странным. Может, я и любил зелья, но на занятия я обычно ходил с Лили. Даже любовь к зельям не могла оторвать меня от нее. Так что лишь раз в жизни я оказывался в поисках Слизворта один.

— А, ну я хотел спросить... — Слова словно умирали в моем горле, и какая-то часть меня боролась за то, чтобы не произнести их. — Не могли бы мы... поменяться партнерами сегодня?

Я сделал это, хотя чувствовал себя так, будто ударил себя кулаком в живот. Слизнорт бросил на меня озадаченный взгляд.

— Ты хочешь поменяться партнерами? — Недоуменный тон был вполне понятен. Если кто-то и знал обо мне что-то, так это то, что я никогда не откажусь от возможности быть рядом с Лили.

Любой, у кого есть хоть пара глазных яблок, мог это заметить. Так что сказать, что я веду себя не по правилам, было бы преуменьшением. — Ну... у меня были разногласия с Лили... Думаю, она предпочла бы не работать со мной.

Я вложил в свои слова всю свою боль. Мне действительно нужно было перестать изображать расстроенного угрюмого подростка, даже если это было именно то, чем я сейчас являлся.

— Это, конечно, неожиданно. — Он окинул меня изучающим взглядом, осмысливая ситуацию.
— Но если вы уверены, я не откажу вам в этом, Северус.

— Спасибо, профессор. — Я знаю, что это правильный путь, так как работа с ней заставит меня сорваться с катушек. Не то чтобы идти по этому пути было легче с таким знанием. Ничто не будет легким, когда дело касается ее.

— Что ж, я скажу всем, чтобы сегодня поменялись партнерами. Это отвлечет внимание от вас двоих, — бросил Слизнорт, как бы невзначай, но я-то знал, что он видел все.

Не ожидал я такого поворота, но, признаться, идея была неплоха. Не то чтобы я особенно заботился о мыслях моего одноклассника, но Лили, ей определенно станет легче, а это главное. Неловко, но с благодарностью кивнул я профессору.

Да, мысли мои стали яснее, чем раньше, но желания их озвучивать не было. Пусть даже это означало, что теперь придется терпеть неловкую атмосферу, витавшую в комнате. Как я уже говорил, наедине со Слизнортом я оказывался нечасто, раза два-три, не больше. И даже тогда был скуп на слова, прямой, словно стрела, желая лишь поскорее вернуться к Лили. Так что о взаимопонимании с профессором не могло быть и речи. Пусть даже он и замечал мой талант, он знал, что я всегда буду следовать за Лили. Значит, иметь с ней хорошие отношения — это все равно, что иметь их со мной.

Тишину комнаты нарушил звук шагов. Странно, ведь до начала урока оставалось не менее двадцати минут. Но эта мысль испарилась, как только дверь отворилась, и я увидел, кому принадлежат эти шаги. Лили.

Хватка на половнике ослабла, а потом меня прошибла дрожь. К этому я был совершенно не готов. Ожидал, что она не торопится, что ее окружают друзья, другие студенты. А тут — я, она, и только Слизнорт между нами, словно тонкая преграда, ничего не значащая. Чувствовал себя оленем, которого вот-вот прихлопнет старый добрый Трак-кун.

Она выглядела неважно. Не так, чтобы ужасно, но усталость на лице была видна. Под глазами — следы отеков, волосы собраны в небрежный хвост, торчащий в разные стороны. Осмотрев комнату, она слегка побледнела, ее взгляд снова встретился с моим. Хватка окончательно ослабла, ковш с грохотом упал на пол, словно сигнал к тому, что мир продолжается. Она отвернулась, на лице — выражение борьбы.

— Ах, профессор, — прозвучало ее имя, не так твердо, как обычно, но все же — прекрасный звук.

Слизнорт бросил быстрый взгляд, прежде чем ответить:

— Если это не моя любимая ученица, то что привело вас так рано, Лили?

Я-то знал, что у Слизнорта с Лили отношения были лучше, но все равно меня задело это замечание. В конце концов, он был моим любимым профессором, профессором зелий! Как же его отсутствие благосклонности меня задело! Может быть, я просто был слишком уязвим. В любом случае, пришлось стряхнуть раздражение и поднять дурацкий половник.

— Ну... я подумала, может быть, я могла бы поменяться партнерами? — голос ее был неуверенным, и я заметил, как ее взгляд на мгновение скользнул по мне.

Этот вопрос вызвал у меня неподдельное веселье. Великие умы, как говорится, мыслят одинаково.

— Полагаю, вы с Северусом все еще можете быть на одной волне. Он только что спросил меня о том же. Я прослежу, чтобы сегодня все переключились, — Слизнорт, фыркнув от удовольствия, вернулся к разливу успокаивающего напитка.

*

*

*

— С какой стати ты ей это рассказываешь? — бросил я на него взгляд. — Что случилось со старой доброй конфиденциальностью? Он мог бы просто принять ее просьбу, не впутывая меня.

— Неужели? — Я почувствовал, как ее взгляд снова уперся в меня. Конечно, это привело к

тому, что я снова замерз. Если бы она была ниндзя, у нее бы точно был Шариган. Или какое-нибудь новое дзюцу, направленное только на меня. Я хотел только одного — прыгнуть в котел. Может быть, если бы я это сделал, я бы снова стал Исекаем. Но я уже теряю хватку не только над чертовым половником. Хватка эмоций ослабевает с каждой секундой дыхания.

Мне удалось сдвинуть лицо настолько, чтобы снова посмотреть на нее. Она смотрела на меня. В ее глазах было столько эмоций, но в конце концов они остановились на решимости. И тут меня охватило чувство предчувствия.

— Вы не возражаете, если я поговорю с Сев... Северусом? — Даже когда она это спросила, она направилась ко мне, а я мог только наблюдать. Это нехорошо. Я сломлен. Она знает это. Все, кто видел меня, знают это. Одного ее присутствия было достаточно, чтобы открыть шлюзы. Чертов разговор с ней мог бы открыть всю глубину моих чувств. Ни один нормальный человек не примет моего безумия. Я даже не понимаю, насколько я ненормальный. Я только и успел, что бросить отчаянный взгляд на Слизнорта, как обнаружил, что мои конечности не реагируют. Он лишь мгновение смотрел между нами обоими.

— Уверен, вам обоим есть что обсудить. Я просто отнесу это в лазарет. — Предательство. Как ты посмел? Теперь ты стал ниже Бинса в списке моих любимчиков. Я отомщу за это! Я буду смотреть, как рушится твой мир, Слизнорт! Ты будешь жалеть об этом дне! Мои безмолвные мольбы, к сожалению, не помогли мне. Я лишь смотрел, как последний буфер покидает комнату. Внезапно пропуск зелий показался мне приемлемым вариантом, жаль только, что уже слишком поздно для этого. Я мог только смотреть на Лили, которая тихо стояла передо мной. Ее присутствие рядом было бальзамом на мою душу, но внутри меня бушевала буря. Мне хотелось сказать ей столько всего. Я хотел попросить у нее прощения, чтобы она прокляла все планы. Я хотел прижать ее к себе так крепко, чтобы она никогда больше не вырвалась из моих рук. Я хотел сломаться и просто рыдать. Мне хотелось всего этого, но я знал, что ничего из этого не поможет. Я не мог ничего сделать. У меня не было плана на этот случай. Я не был к этому готов. То, что она подойдет ко мне, я даже не мог предположить. Да и зачем ей это? Она ненавидела меня. Она должна была меня ненавидеть. Даже если она испытывала противоречивые чувства, ненависть должна была быть в центре. Я причинил ей боль. Я использовал оскорбление, которое, как я знал, причинит ей боль. Я сделал это специально. Я хотел, чтобы ей было больно. Значит, она должна меня ненавидеть. Я ненавижу себя! Я не понимаю. Почему она здесь, с лицом, полным решимости?

— Почему? — Простой тихий вопрос. Ее голос был тихим, но в нем чувствовалась весомость. Ей нужна была причина. Ей нужно было знать. Я мог лишь тупо смотреть на нее. Это был простой

вопрос, но он отражал так много. Почему я сказал то, что сказал? Почему я хотел причинить ей боль? Почему я умолял не прощать меня? Почему я был сломлен? Почему я был дураком? Почему я бежал? Почему я до сих пор бегу? Почему? Почему? Почему? На все эти вопросы был один и тот же ответ. Я мог остановиться только на одной мысли. Почему это имело значение? С этой мыслью я наконец обрел голос.

— Разве это важно? — Я смог лишь слабо улыбнуться. У меня были свои причины поступать так, как я поступал. Сейчас это кажется глупым. Не потому, что моя причина была глупой, а потому, что из-за нее Лили ушла. Даже если бы мне пришлось вырыть свое собственное сердце, я никогда не хотел, чтобы Лили покинула меня. Я знал это, но когда мои эмоции достигли пика, я вышел из себя. Я ненавижу себя за это. Я ненавижу себя, который решил, что причинить ей боль — это правильный выбор. Он не смог смириться с этим решением и разбился вдребезги. Оставив после себя только меня. Но я понимал его, даже если не был с ним согласен. Она хотела понять, но, думаю, это только навредит ей. Я так сильно хочу ее вернуть. Вопрос в том, заслуживаю ли я ее возвращения? Она — мой мир. Именно благодаря ей я существую. Если я однажды причинил боль столь дорогому человеку, сделаю ли я это снова? Даже если я уже не тот, что был раньше, смогу ли я сделать это снова? Эта мысль вызывает у меня отвращение. Она мерзкая на вкус, но я не могу отрицать такую возможность. Я сижу здесь и строю планы, чтобы вернуть ее. Использую все способы, которые, как мне кажется, помогут на этом пути, даже если это причинит ей еще одну боль. Разве это не та вещь, которую я поклялся больше не делать? Я могу нарушить свои клятвы, если она будет у меня. Я заблуждаюсь, вот кто я. Я должен остановиться и дать ей покой. Она может быть счастлива с Поттером. Даже если эта мысль убьет меня, я знаю, что это правда. Я ненавижу его за то, что он забрал ее. За то, что мучил меня. И все же я знаю эту историю. Она была бы счастлива с ним. У них может быть счастливая семья. Я уже планировал уничтожить ту единственную вещь, которая могла бы этому помешать. Так что она может быть счастлива. Только не со мной.

*

*

*

— Конечно, есть! — её крик выдернул меня из омута гнева, оставив лишь тлеющие угли. Она хотела знать. Должна знать. Это давало ей возможность поставить точку, двигаться дальше. Так, по крайней мере, она считала. Но я-то знал, что это не так. Встретившись с её взглядом, я почувствовал, как в моих глазах вспыхивает решимость. Я знал, что если скажу ей, то смогу вернуть её. Так же, как знал, что ей лучше не знать.

— Тебе не понравится ответ, — я попытался дать ей отступить, но уже знал, что не смогу отпустить её. Дело было в том, что рядом с ней у меня больше не было места. Поэтому я мог лишь стоять на месте, пока она бежала от меня. Это было бы лучшим решением, даже если бы ещё больше сломало меня. Если она решит узнать, это причинит ей ещё больше боли, но я смогу ещё раз удержать её.

— Что ты имеешь в виду? — её глаза дрожали. В них был гнев, но и тоска. Моё предупреждение не сломило её решимости.

— Если ты узнаешь причину, тебе будет только больнее, — умолял я. Выходите, пожалуйста, я не смогу сдержаться, если вы этого не сделаете. Я потеряю последнюю каплю решимости.

— Ещё больнее? — спросила она с недоверием. Как будто правда не может причинить боль. Глупая мысль. Правда всегда причиняет боль.

— Тебе было бы лучше. Просто отрезать меня от себя и жить счастливо, — моя последняя решимость. Я пытался донести до неё всю правду, бросая в её взгляд всё, до последней капли своей решимости, чтобы она почувствовала всю тяжесть этой правды. Она смотрела в ответ с недоверием и растерянностью. И всё же, когда в её глазах вновь вспыхнула решимость, я понял, что она выберет.

— Мне всё равно, просто скажите мне, почему!? — я мог только закрыть глаза на её

требование. Вот и всё. Я дал ей шанс сбежать от меня. Даже во всей своей развратной одержимости я позволил ей убежать от меня. Она выбрала это. Теперь она узнает правду. Очень болезненную правду.

— Все причиняют мне боль, — глупое, но правдивое чувство: даже те, кто заботился обо мне, в итоге причиняли мне боль. — Ненависть моего отца ко всему магическому. Моя мать отчаянно цепляется за любовь, которая давно угасла. — Если бы она набралась смелости и ушла от него, была бы я счастлива? Я не знаю, но даже если я знаю, что она любит меня, я не могу оправдать то, что она осталась. Из-за того, что она осталась, я попал в замкнутый круг насилия. И даже если я люблю её, она причиняет мне такую же боль. Лили знает об этом, но я никогда не позволял ей узнать всю правду. Даже когда я признаю эту болезненную правду, мне не хочется рассказывать о ней, но я вижу, как она вздрагивает от тяжести моего голоса. — Мародеры постоянно нападают на меня в каком-то ошибочном крестовом походе. Равнодушие сверстников к моей беде. Ни один учитель не оказал мне реальной помощи, даже те, кто мне нравился. — Поттеровская банда в основном нападала на меня, потому что я был на стороне Лили, а Джеймс это ненавидел. Я знаю это, но никто не знает, как я к этому относился, даже Лили. Даже сейчас я могу сказать, что она считает это шагом назад по сравнению с моим предыдущим заявлением. — Все, кого не звали Лили, смеялись и издевались, когда эти проделки накапливались год за годом. Даже мои сверстники в Слизерине занимали позицию только тогда, когда я доказывал свою полезность. Не будем говорить об учителях, которые видят в мальчиках только игривость, не обращая внимания на годы, когда я постоянно сомневался в каждом приеме пищи, чтобы не подвергнуться очередному публичному унижению. Мне могут нравиться некоторые члены персонала, но никто из них не видит моего бедственного положения таким, какое оно есть. Даже Помфри, которая видела все это, не смогла бы понять, как тяжело мне это далось.

Я не хочу больше ничего объяснять. Я даже не хотел объяснять так много. Тем не менее, могу сказать, что мои слова возымели действие, так как в последнее время Лили впала в такое же уныние. Мальчики будут мальчиками, но она была рядом со мной во время всего этого, так что она должна точно знать, насколько это важно.

— Поэтому я обратился к единственным людям, которые выступали против этого. Я знал, что они используют меня. Я был бы глупцом, если бы не видел этого. Я решил, что все в порядке, пока у меня есть место, где меня признают. — Меня никогда не любили в Слизерине, меня использовали. Я знаю, что только один человек проявлял ко мне искренний интерес. Нарцисса проявила этот интерес только после того, как я доказала свою состоятельность, так что, даже если она мне очень нравится, она также причинила мне боль. И снова я вижу, как Лили вздрагивает от этого откровения, ведь одним из главных клиньев между нами были мои сверстники в Слизерине. Ей казалось, что они тянут меня по темному пути, что так и было. Дело в том, что они были единственными, к кому я мог обратиться. Так легко впасть в определенный менталитет, когда тебе кажется, что весь мир хочет тебя заполнить. Спросите

у немецкого народа во время Второй мировой войны. — Каждый человек, которого я когда-либо встречал, причинял мне боль. — Это правда. Это не оправдывает тот путь, который я выбрал, но легко увидеть, что привело меня сюда.

— Все, кроме тебя. — Я вижу, как на её губах появляется небольшая улыбка. Мы были друзьями. Настолько близкими, насколько это возможно для людей в течение долгого времени. И всё же я вижу замешательство на её лице. Я могу остановиться. Она не заслуживает этой последней правды. Я должен остановиться. Но не остановлюсь.

*

*

*

— Ты была моей скалой в бурных морях моей жизни, — шепчу я, но слова кажутся неполными, не способными передать и доли того, что ты значишь для меня. — Я уже говорил это раньше, но, может быть, теперь ты поймешь. Все причиняют мне боль. — Я бросаю на тебя взгляд, в котором отражается вся моя боль, вся моя пустота. Ты делаешь шаг назад, и в твоих глазах читается ужас.

— В том числе и ты? — шепчешь ты, и в твоём голосе звучит растерянность.

Да, это правда. Ты — единственная, кто меня сломал. В тот момент, когда я узнал, что смысл моей жизни — ложь. Что единственный человек, на которого я, как мне казалось, мог положиться, предал меня. Что моя жизнь действительно живет по этому принципу: все причиняют мне боль, особенно те, кто мне дорог.

Я вижу в твоих глазах замешательство и обиду. Как я смею пытаться переложить на тебя эту боль? Ты не сделала ничего плохого. Я могу только вздохнуть.

— Лили, помнишь, как я показывал тебе заклинание Левикорпус? Как я был счастлив, что у меня получилось его освоить? Как я сразу же согласился научить тебя? Ведь ты — моя лучшая подруга, моя скала. — Счастливое воспоминание. У меня было доказательство того, что я умен. Что если я буду стараться, то смогу изменить мир. Что если я буду стараться, то смогу изменить свою унылую судьбу. Теперь эти воспоминания на вкус как пепел. — Колдовство — очень личное дело. Семьи создают заклинания и передают их из поколения в поколение как свои личные талисманы. Разделить мое заклинание — значит заявить, что вы близки как семья. — На моем лице появляется горькая улыбка, и эмоции выплескиваются наружу. Бремя всего этого наконец-то снято с моей груди. — Ты помнишь, какое заклинание было наложено на меня в тот день, Лили? — Мой голос звучит пусто. У меня не осталось эмоций. Не сейчас. Не в этот момент.

Ты закрываешь глаза, пытаешься сдержать слезы. Ты хотела знать правду, и теперь ты ее получила. Все блоки, из которых построена эта башня. Даже те, которые ты сама положила.

— Это был Левикорпус. Мое заклинание. Заклинание, на создание которого я потратил годы. Заклинание, которому я научил только одного человека. Тому, кто, как я думал, никогда не причинит мне вреда. Его наложил тот, кого ты знала, что я ненавижу. Предательство было настолько сильным, что казалось, будто меня разрывают на части. — Я ненавижу это. Ненавижу причинять тебе боль. Даже если ты заслуживаешь знать. Даже если ты хотела знать. Хотя это дало мне некоторое завершение. — Итак, правда о моем мире окончательно установлена. Все причиняют мне боль. В тот момент я хотел, чтобы это не было правдой. Я хотел быть тем, кто причиняет боль. Поэтому я выкинул самое мерзкое оскорбление, которое только мог придумать, чтобы задеть тебя. — Я разразился пустым смехом над всем этим. В тот момент Северус Снейп умер. Он ненавидел себя так сильно, что разбился вдребезги. В конце концов, он никогда не хотел причинить тебе боль, но тем не менее сделал это. — Падая, я понял, что совершил ошибку. Я ненавидел себя. Я ненавидел само свое существование. Мне было все равно, причинишь ли ты мне боль первой. Я презирал себя, который причинял боль тем, кого любил. Чтобы доказать, что я сын своего отца. — Причина, по которой я бежал от тебя. Причина, по которой я хотел, чтобы ты была счастлива без меня. Единственная правда, которая имела для меня значение. Причина, по которой я чувствовал, что правда не имеет значения. И все равно в конце концов я, как и моя мать, прижимаюсь к тому, кто причиняет

мне боль.

Воздух кажется тяжелым, но я не могу найти в себе силы, чтобы переживать. Пока ты пытаешься сдержать слезы, я чувствую пустоту. Я отпустил свою неуверенность. Я отпустил все, что сводило меня с ума. Я ожидал, что почувствую облегчение. Что, зная о домино, ты сможешь понять, почему они разбились. Когда я вижу слезы на твоём лице, я просто немею. Вместо того чтобы утонуть в буре, я чувствую себя так, словно попал в её глаз. Мое отчаяние исчезает. Моя ненависть к себе отступила. Мое бьющееся сердце успокоилось. Я ненавижу это. Я ненавижу это. Ненавижу это оцепенение. Я был пуст раньше и пуст сейчас. Я снова причинил тебе боль из-за собственного эгоизма. Я знал, что произойдет. Ты и так была не в лучшем состоянии. Теперь ты тоже ненавидишь себя, хотя бы немного. Половина меня говорит, что ты это заслужила. Другая половина просто хочет, чтобы ты была здорова.

— Теперь ты знаешь. — Мой голос все еще звучит пусто, но уже не срывается. Интересно, жалеешь ли ты о том, что спросила? Имеет ли моя правда значение в конце концов?

Ты смотришь на меня со слезами на глазах. Ненависть ушла. Тоска осталась. Конфликт улажен. Решимость снова пылает. Это зрелище приносит мне боль, но оно так чертовски прекрасно.

— Сев, я никогда не учил Джеймса твоему заклинанию. — Я вздрагиваю от этого. Не то чтобы это заявление меня шокировало. Я подумал, что он должен был научиться этому каким-то другим способом, но в тот момент я не мог ясно мыслить. Нет, я вздрогнул потому, что ты назвала Поттера Джеймсом. Ты прекрасно знаешь, как сильно обидела меня, но все равно называет моего учителя с фамильярностью. Это была маленькая незначительная вещь, но она все равно причиняла боль.

— Я научил Мэри этому только после того, как Макалибер устроил ей засаду. Думаю, дальше все пошло по спирали, — пытаешься объяснить ты, но какое это имеет значение? Даже

обучение Мэри было предательством, хотя и не таким болезненным.

Ты так и не узнала всей тяжести моих поступков, но это была моя вина. Я относился к тебе как к своему спасению. Все, чем я был и являюсь, принадлежало тебе.

<http://tl.rulate.ru/book/107496/3923853>